

С. И. НИКОЛАЕВ

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЭСТЕТИКИ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

Самосознание писателя, его статус в общественном сознании — одна из важнейших проблем всего XVIII в. Самый решительный шаг от средневекового книжника (прежде всего — монаха) к типу писателя нового времени был сделан в Петровскую эпоху. Именно тогда «писатель, сочиняющий по обету или внутреннему убеждению, сменяется грамотеем, пишущим по заказу или прямо по указу».¹ Следствием явилось то, что «писатель стал частным человеком, частный человек стал писателем».² Эта своего рода реформа Петра I, указом, конечно, не оформленная, была, как и многие его культурные действия, более декларацией, чем реальностью, и преследовала цели более практические,³ чем эстетические. Но, опять-таки, как в других случаях, Петр прозорливо угадал направление уже идущего процесса и дал ему сильный толчок.

Превращение писателя в частное лицо — это характеристика перехода от корпоративного средневекового сознания к индивидуальности нового времени с точки зрения социологии литературы. В каких внутри-литературных формах и как это проявлялось? Рост авторского самосознания, его качественное изменение проявились и в новом отношении к другому писателю (вернее, появлению самой проблемы другого писателя).⁴ Примечательно, что при этом форми-

¹ Панченко А. М. О смене писательского типа в Петровскую эпоху // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9. С. 125.

² Там же.

³ См.: там же. С. 123—124.

⁴ См.: Чернов И. А. Из лекций по теоретическому литературоведению. Тарту, 1976. С. 147; Николаев С. И. «Зоиал в российских градах»: (От Симеона Полоцкого

рование новой концепции писателя, сменявшей анонимность как эстетическое явление,⁵ шло быстрее, чем изменение эстетики единичного текста. Это можно проследить на материале, причем для большей наглядности начать несколько ранее, с книжной поэзии 70-х гг.

Традиционная компиляция оказалась вполне уместной не в анонимных, а именно в авторских произведениях силлабической поэзии. Инок Авраамий — духовный сын протопопа Аввакума, старообрядческий писатель — своему полемическому сборнику «Христианопасный щит веры» (1667—1669) предпослал два стихотворных предисловия. Первое — повторение предисловия в стихах к «Книге о вере» (М., 1648), второе — отчасти переработанное стихотворение из «Кирилловой книги» (М., 1644).⁶ Евфимий Чудовский (ум. 1705), принадлежавший совсем к другой литературной школе, составляя подборку собственных стихотворений, включил в нее «Подписание на колокол» Симеона Полоцкого из «Вертограда многоцветного».⁷ В 1701 г. появилась лубочная картинка «Распятие» со стихотворными подписями «виришписца» Ионна Никитина, между тем эти стихи, иногда безо всяких перемен, заимствованы из стихотворений к Библии Николая Пискатора, переведенных Мардарием Хониковым в 1679 г.⁸

Щедрой рукой черпал Сильвестр Медведев из наследия своего учителя Симеона Полоцкого. В сочинении «Манна хлеба животного» он поместил стихотворение, из 32 строк которого 26 принадлежат Симеону.⁹ В 1682 г. Сильвестр написал «Приветство брачное» на бракосочетание царя Федора Алексеевича, многие стихи в нем — незначительная переделка или прямые заимствования из «Вертограда многоцветного» и «Рифмологиона» Симеона Полоцкого.¹⁰ Вполне естественно, что Сильвестр без смущения «поправлял» текс-

до А. Кантемира) // XVIII век. СПб., 1991. Сб. 17. С. 17—27.

⁵ См.: Лихачев Д. С. Художественные особенности русской средневековой литературы // Чтения по древнерусской литературе. Ереван, 1980. С. 10—12.

⁶ См.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 98—100.

⁷ См.: Сазонова Л. И. Евфимий Чудовский — новое имя в русской поэзии XVII в. // ТОДРА. Л., 1990. Т. 44. С. 303, 322.

⁸ См.: Соколов М. Славянские стихи монаха Мардария Хоникова к лицевой Библии Пискатора. М., 1895. С. 17—18.

⁹ См.: Сазонова Л. И. Евфимий Чудовский — новое имя в русской поэзии XVII в. С. 303.

¹⁰ См.: Дурново Н. Н. «Приветство брачное» Сильвестра Медведева. СПб., 1904. С. 24—42. Много примеров «миграции текстов» приведено в кн.: Сазонова Л. И. Поэзия русского барокко (вторая половина XVII — начало XVIII в.). М., 1991. С. 63—74, 232—234.

ты своего учителя: он правил и язык, и стиль, и стих. Так, в «Вертограде многоцветном» в 135 стихотворениях Сильвестр сделал 160 исправлений.¹¹ Точно так же отнесся к текстам своего предшественника уже в начале XVIII в. И. В. Паузе, правивший русские стихотворения пастора Глюка.¹²

В переводной поэзии, казалось бы, естественно ожидать выделения «чужого» слова, и так было во многих случаях. Однако Ян Андрей Белобоцкий при переводе с польского компилятивной поэмы «Пентатеугум» не только всю поэму, но и каждую часть пометил как «творение Андрея Бялобоцкого».¹³

В этих примерах, а их число можно умножить за счет прозаических сочинений, нельзя усматривать простодушный плагиат или желание кого-то обмануть. Все это вполне старорусское отношение к тексту, который как бы и не может принадлежать конкретному тленному человеку. Как простое заимствование, так и заимствование с переделками — это типичные «нестилизационные подражания»,¹⁴ не несущие какой-либо художественной функции. Складывалось неразрешимое противоречие: настойчивое подчеркивание внешней стороны авторства (имя в заглавии, в акrostихе, в посвящении) без глубокого внутреннего изменения статуса автора и художественного текста.

Представление об оригинальности, конечно, еще не стало конститутивным признаком творчества. Более того, авторы рубежа веков и не стремились к ней. «Состави сия, и то не от себе, но что инде читах», — писал Димитрий Ростовский в 1683 г.¹⁵ Подобное «высвечивание» структуры произведения — не редкость. В 1709 г. Иоанн Максимович в предисловии к книге «Осм блаженства евангелские» заверял читателя:

Не туне писася,
От многих собрася.¹⁶

Стихотворцы конца XVII в., последователи и наследники Симео-

¹¹ См.: Сазонова А. И. Сильвестр Медведев — редактор Симеона Полоцкого («Вертоград многоцветный») // Теория и история литературы. Киев, 1985. С. 87—96.

¹² См.: Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы. СПб., 1902. Т. 3. С. 125—134.

¹³ См.: Русская syllабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970. С. 218—248.

¹⁴ См.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1979. С. 184—207.

¹⁵ Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 2. С. 69.

¹⁶ Там же. С. 206.

на Полоцкого, забыли ведущий мотив просветительской деятельности первого придворного поэта — состязательность, «ревность». Мотив культурного состязания¹⁷ Симеон неоднократно подчеркивал, например в предисловиях к «Псалтири рифмотворной»:

аз поревновах, тщахся тож творити

Поревновах убо, да и на нашем языке славенством <...> обретается.

Ревнуя убо, тщахся написати
нашим славенским (языком. — С. Н.)¹⁸.

Пафос «ревности» Симеона Полоцкого в конце XVII в. утратил прелесть и актуальность новизны, а отказ следующих за ним силлабиков от «вымысла», «изобретения» («состави... не от себе») в конечном счете привел только к количественному приращению текстов. Именно таково все творчество Ионна Максимовича (1651–1715), чье поэтическое наследие исчисляется десятками тысяч строк. Уже при жизни его стихи стали вызывать ту реакцию, какую позднее вызывала графомания. В августе 1707 г. Иоанн Максимович издал огромный стихотворный том «Богородице дево». Весь сборник — сплошное «расширение» или «умножение слов», именно так сам автор формулировал свое понимание творчества. Причем это было «умножение» чужих слов — «не от своих бо даю», «не зри приносимого, но приносимое».¹⁹ В послесловии Иоанн Максимович называет среди источников и «Руно орошенное» Димитрия Ростовского:

Сложись им прежде книга Руно орошенно,
Чудес, бесед, прилогов полезных сполненно,
И нравоучении в честь всеми преславимой
Присно девы Марии повсюду блажимой,
Яже в Чернегове на горе Болдине
В иконе своей здравле действует до ныне.
От сего и мы руна слоги воместихом,
Деять с нравоученми чудес зде вложихом.²⁰

Максимович берет текст Димитрия и просто рифмует его — ср.: «Во царство пресветлаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всея великия и малыя и белая России самодержж-

¹⁷ См.: Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984. С. 162–166.

¹⁸ Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. М.; Л., 1953. С. 211, 213, 216.

¹⁹ Иоанн Максимович. Богородице дево. Чернигов, 1707. Л. 14 об.

²⁰ Там же. Л. 1 об. (второй фолиации).

ца, содержащу престол архиерейства в Чернегове преосвященному господину отцу Лазару Барановичу православному...»²¹

В лета монархи пресветла избранна,
Трема от Бога венцы увенчанна
Благополучной царствия державы
Сугубой главы,
Величайшаго князя Алексия
Михайловича, всей земли роския
И многих земель царств самодержавна,
В брани преславна.
Пастыру тогда северскаго града
Черниговска и Новгородска града,
Архиерейства престол содержащу,
Добре правящу
Лазару, другу божию реченну
Барановичу, агнцу всемирненну,
Восточной церкви правоверну сыну
В духовном чину²² и т. д.

Каждое чудо Димитрий Ростовский заключает нравоучением: «Образ пречистыя девы плакаше почто? Да ты, человеце, сый образ Божий, навикнеши не смеяться. Горе смеющимся! Мир сей есть удолю плачевный, то како в нем смеяться? ... Любительница Христова в Песнех песней, написуя вся уды любимого и уподобляя главу злату, ланиты фиалом аромат, устне кринам, каплющи змиру, очесах глаголет: очи его яко голубине на исполнение вод».²³

А вот то же «Нравоучение» в переложении Максимовича:

Богородици образ коей вины
Плакал? Человеце, ты образ святины
Божой, да в жизни навикнеш рыдати,
Не бесовскому смеху работати.
Смеющим бо ся в времени сем горе!
Мир сей удоли плачевной есть море.

.....
Любительница Христова си труды
Во Песнех песней любимого уды
Вся написуя и главу все злату

²¹ Димитрий Ростовский. Руно орошенное. Чернигов, 1702. Л. 1—1 об.

²² Иоанн Максимович. Богородице дево. Л. 18 об.

²³ Димитрий Ростовский. Руно орошенное. Л. 3.

Уподобляя, в разуме богату,
Фиялом миров ланиты прекрасны,
Каплющим кринам змирну устне ясны.
Очеса (рече) яко голубине,
Любят по водной пастися глубине.²⁴

И таким образом зарифмованы все «чудеса» и «нравоучения» «Руна орошенного». Через полгода Димитрий Ростовский в раздражении писал Стефану Яворскому: «Книга стихов печатных прислана мне; Бог дал тем виршеписателям типографию, и охоту, и деньги, и свободное житие. Мало кому потребные вещи в свет происходят».²⁵ В этом отзыве слышна не только личная заинтересованность. Силлабическая поэзия стала превращаться в производство слов,²⁶ достигавшее апогея, и замыкалась сама на себя, исчерпав гносеологическую функцию. Одним из следствий осознания этой тупиковой ситуации было то, что самые талантливые из младших силлабиков перестали писать стихи.²⁷ Действительно, все поэтическое наследие Феофана Прокоповича, Стефана Яворского и Димитрия Ростовского (без драматических сочинений), вместе взятое, меньше предисловия и посвящения Максимовича к «Богородице дево», насчитывающих около 1100 строк.

Совершенно новое понимание сущности поэзии, в том числе поэтического вымысла,²⁸ дал Феофан Прокопович в своей «Поэтике» (1705).²⁹ В 1 книге, посвященной, в частности, разным стилистическим упражнениям, встречается и такой вид упражнения: «прозаическую речь другого переложить в стихи» (С. 353). Это, по сути, приговор художественной практике Иоанна Максимовича, творчество которого, в соответствии с мыслью Феофана, выглядит не более чем школьными упражнениями. Феофан дает и новую концепцию отношения к чужому тексту, которую излагает в главе о подражании (С. 381—385), под которым в данном случае понимается «не то подражание, которое называется подражанием человеческим действиям путем вымысла и является тождественным с поэтичес-

²⁴ *Иоанн Максимович. Богородице дево. Л. 19, 19 об.*

²⁵ *Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 2. С. 150.*

²⁶ *См.: Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. С. 183—191.*

²⁷ Причин такой литературной позиции силлабиков было несколько, и они нуждаются в отдельном рассмотрении.

²⁸ *См.: Смирнов А. Проблемы подражания и вымысла в поэтике русского классицизма // Филол. науки. 1967. № 6. С. 16—28.*

²⁹ *См.: Феофан Прокопович. Соч. М.; Л., 1961 (далее ссылки даются в тексте с указанием страницы).*

ким вымыслом, ... но прилежное занятие чтением авторов, с помощью чего мы стараемся уподобиться какому-либо выдающемуся поэту» (С. 381), причем Феофан предостерегает от чрезмерного заимствования, ведущего к плагиату.

Концепция Феофана была ориентирована на мощную европейскую традицию подражания литературным образцам.³⁰ Феофан и сам дал образцы такого творческого подражания. Один пример показателен, поскольку показывает разницу между упражнением и собственно подражанием. В «Поэтике» он рекомендует для упражнения «передать произведение какого-нибудь писателя другим размером или на другом языке» (С. 353) и предлагает польский (С. 245) и славянский (С. 494) переводы фрагмента из «Скорбных элегий» Овидия:

Ко первому от моря реки пойдут току,
Но и солнце возвратит бег свой ко востоку,
На земли узрим звезды, горе лагуд ходящий,
Вода огонь, а огонь воду источит горящий.
Вся законам естества причинят тревогу,
Ни едина тварь свою удержит дорогу.
Вся собудутся, яже удобия меру
Превосходят и нужно всему дати веру.
Сих аз чаю, ибо той плетет на мя сети,
В нем же чаях прискорбный отраду имети.³¹

Кроме точного перевода³² в наследии Феофана есть и подражание этим стихам, их парафразой он начинает переложение 72 псалма:

Аще из земли престанут реки
Истекати
И начнут моря брег свой великий
Преступати,
А падше небо землю покриет
Всю звездами,

³⁰ Подражанию образцам посвящена большая литература, см., например: *White H. O. Plagiarism and imitation during the english renaissance. Cambridge, 1935; Otwinowska B. Imitacja // Problemy literatury staropolskiej. Wrocław, 1973. Ser. 2. S. 381—458.*

³¹ Этот фрагмент встречается в других поэтиках XVIII в., см.: *Lewin P. Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722—1774) a tradycje polskie. Wrocław, 1972. S. 184—185.*

³² Ср.: *Овидий. Скорбные элегии; Письма с Понта. М., 1978. С. 17.*

После Феофана подражание стало подразумеваться как нечто естественное и ожидаемое, стихотворные цитаты и поэтические образцы стали искать. Так И. В. Паузе еще при жизни Феофана Прокоповича переписал его стихотворение «Кто крепок на Бога упова...» и пытался установить латинские источники: на полях им оставлены пометы (в частности назван Гораций), приведены латинские параллели к отдельным выражениям.³⁴ Позднее к этому стихотворению подбирались цитаты и из псалмов, и из Горация.³⁵ Впрочем, одно не исключает другого для поэтики той поры: Феофан вставил цитату из Овидия в псалом, а А. Д. Кантемир в примечании к одному из стихотворений высказался определенно: «Основание сей песни взято из Евангелия и из Горация. Чудно, сколь меж собою Спаситель и римский стихотворец согласуются». ³⁶ Сам Кантемир неизменно отмечал тех поэтов, которых он «имитовал», и приводил соответствующие фрагменты из произведений латинских авторов (или Буало);³⁷ при желании подчеркнуть оригинальность своего сочинения, напротив, мог указать: «Можно сказать, что сатира сия ни с чего не имитована, но есть выдумка нашего автора». ³⁸ Одной из причин, по которой Кантемир давал подробные сведения о своих источниках, было опасение перед зоилами: «Завистливые люди... скажут, что я окрал старых и новых творцов и только что их стихи с одного языка на другой перекалал, ... но если кто те места, у них взятые, сличит с первоначальником, легко узнает, что не голо они переведены». ³⁹ Из этих слов можно логически заключить, а у Кантемира есть и другие аналогичные высказывания, что «завистливые люди» не выдумка автора, т. е. вопросы плагиата и подражания были предметом обсуждений в литературном кругу.

Отношение к своему и к чужому тексту — это две стороны

³³ Русская литература — век XVIII: Лирика. М., 1990. С. 31.

³⁴ См.: Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы. Т. 3. С. 257.

³⁵ См.: Берков П. Н. Одно из первых применений эзоповского языка в России: (латинская «Ода Петру II» Феофана Прокоповича, 1727 г.) // Проблемы теории и истории литературы. М., 1971. С. 74—82; Морозова Г. В. Гораций в литературной теории и практике Феофана Прокоповича // Проблемы поэтики. Алма-Ата, 1980. С. 181—183.

³⁶ Кантемир А. Собр. стихотворений. Л., 1956. С. 204.

³⁷ См.: там же. С. 65, 79, 81, 82, 85, 110 и др.

³⁸ Там же. С. 503.

³⁹ Там же. С. 220

одного вопроса литературной собственности. Выше шла речь о чужом тексте, прямых же высказываний об отношении к своему труду почти нет. Одно из ранних и косвенных относится к 1684 г. Безымянный автор сборника проповедей «Статир» говорит в предисловии, что он внимательно изучал сочинения Кирилла Транквилиона, и тут же оговаривается: «Но не подумай, христолюбивый и друголюбивый читатель, прелюбезный господин мой, что я сделал это (написал свою книгу) из тщеславия, что чужой труд себе присваиваю и чужим разумом желаю показать себя разумным».⁴⁰ Более определенно можно говорить о формировании профессиональной этики переводчика в первой четверти XVIII в., судя по высказываниям Феофана Прокоповича («Не было бы то преводити, но свое новое нечто писати»)⁴¹ или Гавриила Бужинского («Возмнят мя иннии книгу себе и своему сложению присвояти»,⁴² «да не ... явимся чуждые труды (яко же мнози творят) себе присвояти и чуждою славою ... себе прославляти и величати»)⁴³

Определенные сведения об авторской собственности можно извлечь из несколько неожиданного на первый взгляд материала — из дарственных надписей. Авторская надпись на книге XIX—XX вв. стала типичной чертой литературного быта, и в ней почти не ощущается отношение автора к своему труду. Между тем в древнерусской книжной культуре авторская надпись на книге невозможна, самый характер древнерусской концепции творчества и отношения писателя к книге исключает такую надпись. Действительно, авторская надпись — вполне недвусмысленный признак авторской собственности и подразумевает определенную индивидуальную волю. Первоначальной формой авторской надписи во второй половине XVII в. стало посвящение, на долгое время ставшее общепринятой формой обращения писателя к Меценату (царю, патриарху, боярам). Число таких посвящений в литературе рубежа XVII—XVIII вв. очень велико, и они заслуживают отдельного внимательного рассмотрения с точки зрения формирования новых отношений в литературной культуре: кроме благочестивого, а затем благоразумного и просвещенного читателя в этих отношениях возникают Меценат и Зоил. Индивидуализируется и автор, который предлагает и дарит свой собственный труд.

Первые посвящения-подношения весьма обширны, как, напри-

⁴⁰ Яхонтов И. Русский проповедник семнадцатого века и несколько статей из его сочинения «Статир». СПб., 1883. С. 9.

⁴¹ ГПБ, Ф. II. 67. Л. 3 об.

⁴² Введение в историю европейскую чрез Самуила Пуфендорфа. СПб., 1718. С. 8.

⁴³ Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 330.

мер, Яна Андрея Белобоуцкого, который около 1685 г. перевел с польского языка трактат Фомы Кемпийского «О последовании Христу» и «смиренно поднес» первую книгу перевода «госпоже игумении Новодевичя монастыря» Антониде Даниловне, а вторую книгу — «госпоже наместнице» того же монастыря Анастасии Федоровне.⁴⁴ Особенно выразительны дарственные Кариона Истомина. В 1693 г. он поднес Наталье Кирилловне свой рукописный букварь с обширным посвящением, а несколько месяцев спустя еще один рукописный экземпляр он поднес царице Прасковье Федоровне опять с большим посвящением, причем по конкретному поводу: «В возновлении памяти рождения и имянования светлости твоея... всеусердно поздравляю».⁴⁵ В следующем 1694 г. вышло цельногравированное издание Букваря с печатным текстом дарственной надписи. Сохранились экземпляры (в частности, в БАН) с двумя дополнительными листами. Первый добавочный лист начинается словами: «Блаженнейший отче и господине мой пречестнейший (далее пропуск. — С. Н.) во Господе Бозе здравствуй и радуйся». Довольно длинный текст завершается словами: «Аз же, меньшій, за твое господское ко мне приятство и любезное во Христе Бозе благодеяние всегда Господу Богу благодарен попремногу и тебе, государю моему, во благовременстве zde на премногая лета пребывания и получения в пресветлых небесех присносушныя некончаемыя радости со всеми святыми приискренно желаю. Твоего благословения и молитв всегда требующий» — далее предполагается уже подпись от руки. Это печатная дарственная духовному лицу.

Второй добавочный лист обращен к светскому лицу: «Благодетель мой приятнейший и милостивый господин (пропуск. — С. Н.) во Господе Бозе многолетно здравствуй и радуйся». Текст дарственной занимает почти весь лист и завершается словами: «Сего всего и аз приискренно твоей милости желаю. Веселюся же слышав, аще ты, мой благодетель, здравствуеши в благопоспешении и всегда такового слышания требую. Милости твоя искатель и всегдашний тебе работник». Дальше опять можно предположить подпись Кариона, известную по его «Книжицам», поднесенным Петру I, например, в «Книге любви знак в честен брак».⁴⁶

К началу XVIII в. получение печатной книги в дар от автора все больше входило в литературный быт. Были и дарители-иностранцы. В 1696 г. в Оксфорде вышла «Русская грамматика» Лудольфа, и он

⁴⁴ Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1862. Отд. 2, ч. 3. С. 206.

⁴⁵ Тарабрин И. Лицевой Букварь Кариона Истомина. М., 1916. С. 4, 5, 7—8.

⁴⁶ См.: Карион Истомин. Книга любви знак в честен брак. М., 1989. С. 105.

выслал ее московским знакомцам. Петр Коег в мае 1697 г. писал Лудольфу, «что книги твоего труда до меня дошли, и я их нареченным приятелем роздал, которые с великим благодарением их приняли и вместо драгоценного дара их держат».⁴⁷ Священник Иван Поборский в феврале 1698 г. писал ему же: «Твоего прилежания христианского и ревности по Бозе действо познал есмь из книжицы твоя, ко мне присланной, которую прочет обретох в ней ничто же стропотно, ни развращенно... на грамматице же челом бью».⁴⁸

Такие же письма писал и новгородский митрополит Иов уже русским авторам в первые годы нового столетия: Димитрию Ростовскому — за очередной том житий, Иоанну Максимовичу — за присланные книги, которые он принял «якоже корабли индийские, наполненные тмишными благами и бисеры многоценными, различным индийским камением и адамантами сияющими».⁴⁹ Особенно любопытно его письмо Стефану Яворскому, очевидно 1704 г.: «Радостию велиею возрадовахся и Богу благодарныя воспех хвалы — дражайшее твое, еже тщательным трудом твоим новосочиненную душеспасительную честную книжицу «Знамения кончины века» прием дарование, ту же купно и надписание святыя ти десницы облобызах от сердца».⁵⁰ «Надписание», надо полагать, и есть авторская надпись.

От этих лет сохранилось два инскрипта. Упоминавшийся Иоанн Максимович надписал свою книгу «Алфавит духовный» (1705) Филофею Лещинскому: «Ясне в Богу преосвященному его милости господину отцу Филофею Лещинскому митрополиту сибирскому» (ГПБ). В том же 1705 г. Димитрию Ростовскому был поднесен незадолго до этого вышедший «Лексикон треязычный» Федора Поликарпова с надписью: «Великому государю преосвященнейшему митрополиту ростовскому и ярославскому Димитрию» (БАН); на титульном листе этого экземпляра сделана еще одна надпись: «Издание Федора Поликарпова московския типографии справщика, 1704 лета».

Таким образом, даже из немногих известных примеров видно, как буквально за несколько лет развился тип дарственной авторской надписи на книге. Еще долгое время надписи на книгах сохраняли характер и психологию «подносного экземпляра» и не сразу вошли в дружеский литературный обиход: и Тредиаковский, и Ломоносов

⁴⁷ ГПБ. Ф. 444. № 5. Л. 1.

⁴⁸ Там же, № 6. Л. 1—1 об.

⁴⁹ Чистович И. Новгородский митрополит Иов: Жизнь его и переписка с разными лицами // Странник. 1861. Т. 1, февраль. С. 121.

⁵⁰ Там же. С. 120.

много позднее иногда дарили свои книги без надписей.⁵¹

Внимание к авторским дарственным надписям на рубеже XVII+XVIII вв., ярко заметное у Кариона Истомина, — еще одна черта развития авторского сознания. Здесь тоже есть внутренние противоречия: как известно, в свой первый Букварь Карион включил Букварь Симеона Полоцкого, а по отношению к печатному Букварю выражение «дарственная надпись» выглядит оксюмороном. Для того времени вообще характерен своеобразный «авторский зуд». Иоанн Максимович, напечатавший в Петровскую эпоху больше всех стихов, писал в 1710-х гг. из Тобольска в Чернигов:

Печаль мя повседневно едина снедает,
Яко труд мой без типу долго пребывает.
Господь мне пособствова много написать,
За многи грехи типу не даде предати.

И затем обращался к черниговскому архиепископу:

Оставих премногая у вас писания,
Потщися в тип дати, готов даяния
Немедленно прислати за иждивение
Святыне вашей за то поклонение
В вашу типографию, елико велите.
Молю печатать книги, вы благословете.
Не моя, ваша будет превелия слава,
По земной митре примет венец ваша глава⁵²

Процесс формирования нового авторского сознания — от древнерусского книжника к писателю нового времени — на рубеже XVII—XVIII вв. проходил очень быстро, отсюда его конвульсивность и частая внутренняя противоречивость. К 1740-м гг. многое отсеялось, отстоялось, пропали наносные черты. Но этот путь от Симеона Полоцкого до Кантемира было необходимо пройти.

⁵¹ См.: Хотеев П. И. Как дарили книги в XVIII в. // Книга в России XVII—начала XIX в.: Проблемы создания и распространения. Л., 1989.

⁵² ГПБ, Q. IV. 375. Л. 148 об.